

РЕЧЕВАЯ СИСТЕМНОСТЬ ТЕКСТА В ДАННЫХ СМЫСЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЖАНРА «ГРАМОТА»)

А. А. Припадчев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июня 2009 г.

Аннотация: статья посвящена проблемам выявления речевой системности текста. Результаты анализа речевой системности текста в данных семантики и смыслов нетождественны. Установлена асимметрия семантической и смысловой организации текста, проявляющаяся в множественности и вариативности семантических моделей текста и в единичности и однотипности смысловых моделей текста в их конкретной интерпретации.

Ключевые слова: текст, язык, речь, денотат, смысл, модель, системность.

Abstract: the article discusses the problem of speech system of text. Semantic analysis of meaning and sense analysis show different results. Semantic and sense organizations of the text are not identical: multiple semantic models of the text are possible while sense models are unique and belong to the same type.

Key words: text, language, speech, denotatum, sense, model, system.

В теории речи существенно разграничение понятий «семантика» и «смысл». Системообразование в речи, выявляемое через понятия «факторы» и «принципы», и речевая системность конкретных текстов, выявляемая через понятие «модели», в данных семантики уже были предметом нашего внимания и демонстрировались на материале текстов жанра «плач» и жанра «молитва» [1, с. 117–121; 2, с. 66–76; 3, с. 58–67; 4, с. 13–24; 5, с. 3–15]. В новой серии статей системообразование в речи и речевая системность определенных текстов, в частности жанра «грамота», рассматривается уже в другом аспекте, а именно: в данных смыслов.

Потребность в разграничении семантики и смысла возникла не сегодня. Ученые разных направлений в лингвистике при изучении текста и речи стали особенно настаивать на этом в конце XX в.

Необходимость разграничивать понятия «денотат» и «смысл» прослеживается по многим положениям Н. И. Жинкина: «Речевые знаки по требованию значений, вырабатываемых в процессе коммуникации, перестраиваются в эквивалентные для партнеров формы, в которых должно происходить быстрое узнавание и разборчивая реализация языковых единиц. Интеграция этих единиц образует предметный смысл денотата (выделено нами. – А. П.) и тем самым возможность выразить его содержание в разных словах, в чем и состоит акт понимания» [6, с. 68].

«Проблема текста мало разработана, поэтому существенные вопросы речевой коммуникации остаются еще неясными. К таким вопросам относятся, например, роль денотатов, различие между *значением* и *смыслом* (выделено нами. – А. П.)» [6, с. 80].

Углубляя разграничение понятий «значение» и «смысл», Н. И. Жинкин не исключает наличия в тексте не только семантических моделей (идентификация денотатов), но и определенно говорит о присутствии в нем иных – смысловых моделей: «Денотаты (выделено нами. – А. П.) интегрируются по ходу развития темы речи, и единство темы держится на идентификации денотатов. <...> Смысловые (выделено нами. – А. П.) связи в отличие от грамматических не заданы заранее, их надо найти, открыть и интегрировать в модели. Тогда модель <...> будет смыслом отрезка речи. Иначе говоря, смыслом будет то, что предметно тождественно в разных лексических оформлениях» [6, с. 80–81].

Сосредоточиваясь на понятии «смысл», Н. И. Жинкин предлагает практические пути обнаружения смысла текста – наблюдать за смежными предложениями, постепенно расширяя радиус смежности до кристаллизации смысловых отношений структур: «Текстовый *смысл* (выделено нами. – А. П.) – это интеграция лексических значений двух смежных предложений текста. Если интеграция не возникает, берется следующее смежное предложение, и так до того момента, когда возникает смысловая связь этих предложений» [6, с. 84–85].

К прозрению и предсказанию когнитивной лингвистики [7; 8] можно отнести высказывание Н. И. Жинкина о том, что смысл, формируясь до языка и речи, соотнесен не только с речемыслительной деятельностью, но и прежде всего с ментальностью в широком смысле этого слова: «Говоря о *смысле* (выделено нами. – А. П.), мы попадаем в компетенцию интеллекта. <...> Интеллект сохраняет за собой только самую общую, но универсальную функцию управления – это кодирование в виде универсального предметного кода (УПК)» [6, с. 88].

Итак, по Н. И. Жинкину, смысл является интегралом значений. Смысл – это внутренняя форма языка, которую старался обнаружить В. фон Гумбольдт [6, с. 89, 96].

Непосредственно на понятии «смысл», без акцентирования понятия «значение», сосредоточивает свое внимание и нейролингвистика, осмысляя этот термин в приложении к тексту. А. Р. Лурия отмечает, что смысл текста – величина бо́льшая, нежели смысл отдельных предложений и их последовательности: «Было бы неправильно думать, что *смысл* (выделено нами. – А. П.) воспринимаемого текста исчерпывается смыслами отдельных предложений. Процесс понимания смысла целого текста несравненно сложнее. <...> Анализ понимания смысла целого текста так же не может сводиться к анализу последовательности предложений, <...> как и понимание предложений не сводится к пониманию просто следующих друг за другом отдельных слов» [9, с. 173].

Уводя исследователей от искушения разбить смысл текста на кусочки смыслов, Р. А. Лурия предлагает понятие «модель» в приложении к смыслу: «Быть может, лучше всего <...> сложность *смысловой* (выделено нами. – А. П.) структуры текста проявляется в басне (притче), процесс понимания которой может быть оценен как модель любого сложного процесса понимания текста» [9, с. 174].

Для того чтобы в поисках смысла текста переход от смысла отдельного элемента произведения к смыслу текста как целого был органичным, Р. А. Лурия советует предусмотреть «скрытые смыслы» в любом тексте, а не только в художественном: «Подлинное понимание *смысла* (выделено нами. – А. П.) текста предполагает сначала интерпретацию скрытого смысла отдельного фрагмента, а затем – и общего смысла всего текста в целом» [9, с. 175].

Обращая внимание на сложность процесса интерпретации смысла текста, Р. А. Лурия рекомендует учитывать многослойность смыслов текста, его «внешнее содержание» и «внутренний смысл»: процесс понимания текста «выходит далеко за пределы декодирования отдельных грамматических структур, включенных в текст; он требует абстракции от частного значения, выраженного отдельными элементами текста, и от сообщения, которое является его «внешним содержанием»; наиболее существенным звеном понимания текста становится его внутренний *смысловой* (выделено нами. – А. П.) анализ» [9, с. 176].

Во избежание претензий на единственно возможную интерпретацию смысла текста Р. А. Лурия допускает разные версии его смысловой структуры, предлагая понятие «глубина прочтения текста»: «Нет сомнения в том, что глубина прочтения текста может быть различной и что она варьируется от одного субъекта к другому, вероятно, в значительно большей

степени, чем анализ «внешнего», грамматически оформленного значения предложений» [9, с. 176].

Констатируя состояние дел в психологии и лингвистике в области изучения смысла, Р. А. Лурия пишет: «Мы не можем сказать больше о сложном психологическом процессе декодирования общего *смысла* (выделено нами. – А. П.) текста. Эта проблема <...> еще очень мало изучена психологами. <...> Лишь в самое последнее время она стала тщательно изучаться некоторыми <...> лингвистами; однако здесь делаются только первые шаги» [9, с. 177].

И далее: «В отличие от <...> изучения понимания отдельных предложений, понимание целых *смысловых* (выделено нами. – А. П.) отрывков, их общей мысли и их внутреннего смысла, почти совсем не располагает сколько-нибудь достаточной литературой» [9, с. 181].

Обращаясь к тексту, авторы «Основ теории речевой деятельности» не используют понятий «семантика» и «смысл», но прибегают к терминам «универсалия речи», «психолингвистическая модель»: «При попытке психолингвистических объяснений речевых явлений необходимо, по-видимому, учитывать три аспекта: сам лингвистический факт, который может быть обнаружен на основе анализа текстов одного языка, его проверку на универсальность и его психологическую интерпретацию» [10, с. 139].

«Однако несмотря на некоторые успехи, достигнутые в психологической интерпретации извлеченных из текстов фактов, особенно фактов речи, большинство универсалий до сих пор не нашло психолингвистического объяснения» [10, с. 142].

И далее: «Рассматривая текст как материал для психолингвистических исследований, необходимо иметь в виду, что один и тот же текст <...> может интерпретироваться по-разному. <...> Вряд ли можно утверждать априорно, что в основе порождения данного типа высказывания лежит та или иная психолингвистическая модель. <...> В то же время нельзя недооценивать возможностей, которые предоставляет текст для психолингвистических исследований» [10, с. 144].

Так долго кристаллизовавшееся различие понятий «семантика текста» и «смысл текста» в увлеченности моделированием процесса понимания текста стало снова уходить на второй план. По существу текст снова исключен из проблематики «язык – речь». А если это так, то потеряны и предметы лингвистики – язык, речь.

Но нет текста вообще. Есть конкретный текст с временными, ареальными, жанровыми и авторскими параметрами. Текст – это единство языка и речи. Основной механизм перехода языка в речь – нейтрализация языкового различительного означивания денотатов и смыслов денотатов. В каждом тексте этот

процесс словесно проявляется по-разному. Поэтому и язык, и речь в тексте – величины искомые. Главное для текста – речь. Основное ее доказательство – системность.

Не бывает системности на пустом месте. Речевая системность текста выявляется или в данных семантики (пространство, время, оценка и др.), о чем мы говорили в других работах, или в данных смыслов (универсальный – энциклопедический; национальный – контекстуальный и ситуативный; уникальный – прагматический, образный).

Если данные о речевой системности текста претендуют на статус научных, они должны предьявляться, как писал Ф. де Соссюр [11, с. 133], через понятия «факторы» и «принципы». Используемые нами и ранее при обсуждении речевой системности текста в данных семантики эти понятия применимы и при описании речевой системности текста в данных смыслов, что подтверждает их сущностность и универсальность.

се язъ грешнии худии раб биш иванъ пишу дшевную грамоту ида въ ворду никимъ не нужень целымъ своимъ оумомъ въ своемъ здоровьи. а се есмь разделъ оучинилъ се даль есмь сну своему болюму семену. можаескъ. коломъну. со всими коломеньскими волостми. городенку. село напрудское оу города. а при своемъ животе даль есмь сну своему. семену Д. чепи золоты. а се даю сыну своему ивану. звенигородъ. а изъ золота даль есмь сну своему ивану Д. чепи золоты. а се даль есмь сну своему андрею. серпоховъ. а изъ золота даль есмь сыну своему андрею Д. чепи золоты [12, с. 86–88].

Типология смыслов текста

Энциклопедический смысл: завещание (*дшевную грамоту*). В первые годы татаро-монгольского ига Батый вызывал к себе всех русских князей для выказывания ему покорности и для получения из его рук ярлыка на княжение. Сам Иван Данилович Калита получил его за покорение Твери. Участие в посольствах было опасным. По приказу ханов в Орде в течение ряда лет было убито десять русских князей. Поэтому, отправляясь в Орду (*ида въ ворду* – Калита туда ездил девять раз), русские князья писали духовные грамоты, т. е. завещания.

Контекстуальный смысл: раздел имений и имущества в случае смерти владельца (*есмь разделъ оучинилъ – даль есмь*), прежде всего между тремя сыновьями. Из земель лишь Москва была завещана в общее владение. Поэтому в ней попеременно владывались то Семен (Симеон), то Иван.

Ситуативный смысл: определение доли наследства сыновьям. В ситуации (не реальной, локализованной в пространстве-времени, а коммуникативной) участвуют московский князь Иван Данилович Кали-

та (*иванъ* – И. п.), княжил в 1325–1340 гг., его старший сын Симеон Иванович Гордый, княжил в 1341–1353 гг. (*болюму семену* – Д. п.), средний сын Иван Иванович Красный, княжил в 1353–1359 гг. (*ивану* – Д. п.) и младший сын Андрей (*андрею* – Д. п.).

Прагматический смысл: нейтральный. Автор не высказывает своего отношения к ситуации и ее участникам. В силу этого форм оценок разной частеречной отнесенности в тексте не обнаруживаем.

По косвенным данным можно сказать не только о государственном, но и об отцовском подходе Ивана Даниловича Калиты к делу. Так, великий князь оставляет во владение уделы не только старшему сыну Семену (*можаескъ*), но и среднему Ивану (*звенигородъ*) и младшему Андрею (*серпоховъ*), уравнивая их в правах.

Еще большее внимание к детям видно в том, что Иван Данилович Калита оставляет в личное пользование всем трем сыновьям некоторые драгоценности одного и того же достоинства (*Д. чепи золоты*).

Образные смыслы: тоже нейтральные. Автор не детализирует характеры «персонажей»-действующих лиц. Поэтому тропов и элементов экспрессивного синтаксиса в тексте не находим, хотя из других источников узнаем, что Семен – гордый, а Иван – красивый (красивый – тихий и кроткий).

Итак, речевые функции текстообразующих средств жанра грамоты в данных смыслах: 1) выражение энциклопедического смысла; 2) выражение контекстуального смысла; 3) выражение ситуативного смысла; 4) выражение прагматического смысла; 5) выражение образных смыслов.

Партитура текстообразующих средств жанра грамоты в данных смыслах в сравнении с житием и летописью иная: 1) серия из глагола речи, существительного со значением жанра, прилагательного с семантикой его разновидности, причастия движения и субстантива пространства (*пишу – грамоту – дшевную – ида – въ ворду*); 2) серия глаголов с имплицитной семантикой распоряжения, повеления (*есмь разделъ оучинилъ* – «распоряжаюсь о следующем» – *даль есмь* – «повелеваю владеть» – *даль есмь* – «повелеваю иметь в личное пользование»); 3) серия существительных со значением единичного лица в косвенных падежах (*семену* – Д. п. – *ивану* – Д. п. – *андрею* – Д. п.); 4) отдельные существительные с семантикой лица в И. п. и личное местоимение (*иванъ – рабъ – язъ*).

Как в житии и летописи, в грамоте текстообразующие возможности больше проявляют формы косвенных падежей лица, пребывающего в пространстве. Текстообразующий потенциал форм именительного падежа существительных лица, действующего во времени, скомпрессирован. Но они не единичны. Следовательно, время и в грамоте показывает заметные текстообразующие возможности.

Факторы речевой системности текста

Фактор центрации речевого смыслового пространства (одновременность, параллельность, совмещенность смыслов денотатов)

Данный фактор проявляется в том, что множество смыслов текста объединяются смысловым «фокусом» (доминантным смыслом). В грамоте доминантный смысл – «предполагаемая смерть – *ида въ ворду*».

Фактор формирования смыслового «разреза» (смысловой вертикали, смысловой модели)

Данный фактор проявляется в том, что при вертикальном развертывании текста (сверху вниз) смысловой «фокус» (доминантный смысл) многократно соотносится с одним и тем же денотатом.

В грамоте доминантный смысл «предполагаемая смерть – *ида въ ворду*» и его конкретизаторы – смыслы «раздел имений и имущества – *есмь раздель оучиниль*», «составление завещания – *пишу дшевную грамоту*» соотношены с денотатом «*ивань*».

Обнаружением вертикального развертывания текста в аспекте смыслового пространства является смысловая модель «смерть» – «раздел» – «завещание».

Компоненты этой смысловой модели связаны не только отношениями «общее – частное», но и отношениями «причина – следствие». Поэтому мы по-прежнему имеем дело с логоцентрической смысловой моделью.

Фактор неекторности речевого времени

Данный фактор проявляется в том, что смыслы денотата «*ивань*» не отнесены к прошлому, настоящему или будущему.

Неекторность обнаруживается в распределенности смыслов денотата «*ивань*» по имплицитным модусам речевого времени – модусам последовательности «сначала» – «затем» – «потом» или модусам перечисления «во-первых» – «во-вторых» – «в-третьих», которые связаны еще и причинно-следственными отношениями: «сначала – так как» – предполагается смерть, «затем – поэтому» – обдумывается раздел имений и имущества, «потом – следовательно» – пишется завещание; «во-первых – так как» – предполагается смерть, «во-вторых – поэтому» – обдумывается раздел имений и имущества, «в-третьих – следовательно» – пишется завещание.

Фактор тема-рематической модификации синтагм

Данный фактор проявляется в том, что смысловой «разрез» (смысловая вертикаль, смысловая модель) по положению денотата может соотноситься с темой синтагм (слова до предикативной синтаксемы) или с ремой синтагм (слова после предиката, включая и его).

Тема синтагм темпоральна и абстрактна (*а се – есмь раздель оучиниль*; *а се – даю*; *а се – даль есмь* =

«сначала – сейчас» – Иван обдумывает раздел имений и имущества, «затем – сейчас» – он повелевает владеть определенными именными и имуществом сыну Ивану, «потом – сейчас» – Иван повелевает владеть определенными именными и имуществом сыну Андрею). Рема синтагм локальна и конкретна (*даль есмь – семену*; *даю – ивану*; *даль есмь – андрею*).

По положению денотата «*ивань*» смысловая модель «смерть» – «раздел» – «завещание» соотносится с темой синтагм (*ивань – пишу*). Отсюда и модель отличается абстрактными смыслами «так как – поэтому – следовательно»: «так как» – предполагается «смерть» (*ида въ ворду*), «потому» – обдумывается «раздел» имений и имущества (*есмь раздель оучиниль*), «следовательно» – пишется «завещание» (*пишу дшевную грамоту*). Смыслы причинности и следствия «так как» – «потому» – «следовательно» и в других текстах, как правило, в теме синтагм.

Фактор сходного означивания

Данный фактор проявляется в том, что на основе первых четырех факторов в словесных рядах текста выявляются речевые серии полнозначных слов сходным означиванием смыслов денотата «*ивань*»: «смерть» – энциклопедический смысл, серия: *ивань – ида – въ ворду*; «раздел» – контекстуальный смысл, серия: *есмь раздель оучиниль – даль есмь – даю*; «завещание» – энциклопедический смысл, серия: *пишу – дшевную – грамоту*.

Принципы речевой системности текста

Принцип нейтрализации локальных значений слов темпоральными смыслами

Например, конкретность пространственного значения лица слова «*ивань*» нейтрализуется абстрактностью темпорально и каузативно организованных смыслов: «сначала – так как» – смерть, «затем – поэтому» – раздел, «потом – следовательно» – завещание. Аналогом наречий времени «сначала» – «затем» – «потом» выступают союзы «*а – а – а*» и указательные местоимения «*се – се – се*» в теме синтагм.

В связи с этим на основе конкретности локальных значений (*ивань*) и абстрактности темпоральных смыслов (*а се – а се – а се*) между сериями полнозначных слов и релятивов выявляются речевые системные отношения функциональной иерархии.

Принцип нейтрализации разных смыслов единым содержательным «мотивом»

Например, под влиянием текста смысловая нетождественность слов «*грамоту*» (вынужденный обстоятельствами документ) и «*въ ворду*» (опасная государственность) из-за их связи с разными денотатами нейтрализуется на речевом уровне функцией выражения ими смысла «завещание» (энциклопедический смысл).

В связи с этим между элементами одной серии полнозначных слов выявляются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии.

Принцип нейтрализации языковых значений полнозначных слов речевыми релятивными значениями (смыслами)

Например, серия «дшевную» – «грамоту» – «въ ворду» с энциклопедическим смыслом «завещание» состоялась благодаря нейтрализации языковых значений слов (прилагательное – признаковость, существительные – предметность) речевым релятивным значением (смыслом) инактивности – денотат лишен жизненных циклов; антоним – активность: денотат не лишен жизненных циклов.

В связи с этим между элементами одной серии полнозначных слов выявляются речевые системные отношения нейтрализации.

Принцип нейтрализации языкового различительного означивания (языковых значимостей) сходным речевым (речевыми значимостями)

Языковые значимости (совокупность различающих признаков) отделяют одно слово от другого. Речевые значимости (совокупность отождествляющих признаков) уподобляют одно слово другому.

Например, языковые значимости слов серии «пишу» – «дшевную» – «грамоту» различны: категориальные значения – действие, признаковость, предметность; грамматические признаки – 1 л., ед. ч., наст. вр.; ж. р., ед. ч., В. п.; синтаксические функции – сказуемое, определение, дополнение.

Языковые значимости слов нейтрализуются в тексте речевой значимостью, т.е. смыслом прогрессирующей инактивности и выполнением словами серии одной и той же речевой функции – функцией обозначения смысла «завещание» (энциклопедический смысл).

В связи с возможностью слова входить в разные серии (полифункциональность) между сериями полнозначных слов выявляются речевые системные отношения пересечения, объединения, дополнения.

Итак, факторами системообразования в речи как в данных семантики, так и в данных смыслов являются:

а) центрация и семантического, и смыслового речевого пространства; различие тут не в сущности процесса речеобразования, а в явлениях: доминантным значением в тексте выступает семантика времени, а доминантным смыслом – смысл «смерть»; на уровне значения текст может быть полицентричным, а на уровне смысла – всегда моноцентричным в конкретной интерпретации;

б) формирование как семантического, так и смыслового «разреза»: семантический «разрез» в тексте темпоцентрический, а смысловой «разрез»

– логоцентрический; на уровне значения текст может быть полимодельным, а на уровне смысла – всегда мономодельным в конкретной интерпретации;

в) не векторность речевого времени и в данных семантики, и в данных смыслов: семантика времени распределяется в тексте не по трем векторам языкового времени, а по множеству векторов речевого времени, что говорит о его не векторности; смысл «смерть» тоже распределен в тексте не по трем векторам языкового времени, а по множеству векторов речевого времени, что также говорит о его не векторности;

г) тема-рематическая модификация синтагмы как на уровне семантики, так и на уровне смысла: темпоцентрическая семантическая модель в тексте приурочена к тематической зоне синтагм и характеризуется абстрактностью; логоцентрическая смысловая модель в тексте по положению денотата лица тоже соотносится с темой синтагм и также отличается абстрактностью;

д) сходное означивание и на уровне семантики, и на уровне смыслов: в данных семантики выявляется серия релятивов – союзов и местоимений со значением замещенного времени, а в данных смыслов – серии полнозначных слов, имен и глагольных форм прежде всего энциклопедического и контекстуального смыслов; серия слов ситуативного смысла важна больше для семантики, а серии слов прагматического и образного смыслов еще формируются.

Принципами системообразования в речи как в данных семантики, так и в данных смыслов являются:

а) нейтрализация локальных значений слов темпоральными; различие и тут не в сущности процесса речеобразования, а в явлениях: на уровне семантики нейтрализуются локальные значения релятивов темпоральными значениями и устанавливаются системные отношения функциональной иерархии между разными сериями релятивов; на уровне смысла нейтрализуются локальные значения полнозначных слов темпоральными смыслами и устанавливаются речевые системные отношения функциональной иерархии между разными сериями полнозначных слов и релятивов;

б) нейтрализация разных смыслов единым содержанием «мотивом»: в первом случае нейтрализуются смыслы релятивов и полнозначных слов и между ними устанавливаются речевые системные отношения функционально-речевой синонимии; во втором случае нейтрализуются смыслы полнозначных слов и устанавливаются системные отношения функционально-речевой синонимии между элементами одной серии полнозначных слов;

в) нейтрализация языковых значений полнозначных слов речевыми релятивными значениями (смыслами): в первом случае устанавливаются речевые системные отношения нейтрализации между элементами одной серии полнозначных слов, индуцирующих релятивы, во втором случае устанавливаются речевые системные отношения нейтрализации между элементами одной серии полнозначных слов, не индуцирующих релятивы;

г) нейтрализация языкового различительного означивания (языковых значимостей) сходным речевым (речевыми значимостями): на уровне семантики речевые системные отношения пересечения, объединения, дополнения устанавливаются между сериями релятивов и полнозначных слов, на уровне смысла – между сериями полнозначных слов.

Речевая системность именно текста «Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты» 1336 г. в данных семантики выявляется через семантико-структурный «разрез» (модель) – темпоцентрический (*а се* – «сначала – сейчас» – *есмы разделъ оучиниль* – *а се* – «затем – сейчас» – *даю* – *а се* – «потом – сейчас» – *далъ есмь*), а в данных смысла – через смысловой «разрез» (модель) – логоцентрический («предполагаемая смерть» – *ида въ ворду* – «раздел имений и имущества» – *есмы разделъ оучиниль* – «составление завещания» – *пишу дшевную грамоту*).

Воронежский государственный университет

Припадчев А. А., доктор филологических наук,
профессор кафедры славянской филологии
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru
Тел.: (4732) 20-84-97

ЛИТЕРАТУРА

1. Припадчев А. А. Теоретические основы исследования речевой системности текста / А. А. Припадчев // Вестник ВГУ. Серия : Филология. Журналистика. – 2006. – № 2.
2. Припадчев А. А. Системный аспект речи / А. А. Припадчев // Идеи Фердинанда де Соссюра в современной лингвистике. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2007.
3. Припадчев А. А. Семиотический аспект речи / А. А. Припадчев // Текст – дискурс – картина мира. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 4.
4. Припадчев А. А. Речевая картина мира / А. А. Припадчев // Культура общения и ее формирование. – Воронеж : Истоки, 2008. – Вып. 20.
5. Припадчев А. А. Модели речи / А. А. Припадчев // Коммуникативные исследования. – Воронеж : Истоки, 2008.
6. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М. : Наука, 1982.
7. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : Восток–Запад, 2007.
8. Попова З. Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов / З. Д. Попова. – Воронеж : Истоки, 2009.
9. Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – М. : Изд-во МГУ, 1975.
10. Основы теории речевой деятельности / под ред. А. А. Леонтьева. – М. : Наука, 1974.
11. Соссюр Ф. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977.
12. Хрестоматия по истории русского языка. – М., 1990.

Voronezh State University

Pripadchev A. A., Doctor of Philology, Professor,
Department of Slavonic Philology
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru
Tel.: (4732) 20-84-97